Учрежденный Феодосием в Константинополе университет существовал (с некоторыми перерывами) на всем протяжении византийской истории. Подлинный расцвет этого учебного заведения наступает, как известно, с середины IX в., когда оно было возрождено (после перерыва в его деятельности в связи с борьбой между иконоборцами и иконопочитателями) кесарем Вардой; тогда к преподаванию были привлечены известнейшие византийские ученые — Иоанн Грамматик, Лев Математик, патриарх Фотий.[11] В последующие века в константинопольском университете преподавали Михаил Пселл (1018—1096/97), Феодор Метохит (конец XIII—нач. XIV в.), Димитрий Триклиний (около 1280—1340), Максим Плануд (ум. около 1308) и другие.

В высшую школу приходили юноши, уже научившиеся читать и писать, знакомые с Библией и поэмами Гомера — главными учебными пособиями в Византии. Эти тексты надо было не только уметь читать, но и заучивать их наизусть, разбирать и объяснять с точки зрения грамматики и смысла отдельных слов.

Интересующая нас схедография представляла собой, по словам Е. Е. Голубинского, «высший курс грамотности»; к этому надо, однако, добавить, что под словами «высший курс» не следует понимать «курс, относящийся к высшему образованию»; здесь имеется в виду высший подготовительный курс грамотности, один из разделов обучения грамматике, к которому переходили ученики, уже умевшие читать и писать. После ознакомления со схедографией переходили к изучению диалектики, риторики и грамматики, т. е. к изучению наук, составлявших «тривиум».[12]

Схедография состояла из упражнений орфографических и словарно-грамматических, в которых разбирались грамматические формы, а редкие слова объяснялись с помощью часто употребляемых слов; сюда же входили и шарады, т. е. игра, в которой слово разделяется на части, приобретающие самостоятельное смысловое значение. Таким образом, под схедографией понимали и метод обучения, при котором грамматику изучали чисто практически на тут же читаемом тексте, и «филологическую игру», по выражению немецкого исследователя Ф. Фукса.[13]

При занятиях схедографией учащиеся занимались не только грамматическим разбором слов, но также записывали «руководства к надлежащему разумению книжного языка, к правильному произношению и правильному писанию слов... Были изготовлены лексиконы слов синонимических и архаических, слов сомнительных в отношении к произношению или написанию, и лексиконы эти были диктуемы учителями ученикам или были проходимы первыми со вторыми в школах грамотности».[14]

Широко известно описание византийской школы первой половины XII в. в сочинении принцессы Анны Комниной «Алексиада»: «В училище, — пишет Анна, — предсидит некий учитель, а дети стоят кругом

---

[11] Липшиц. Очерки, стр. 258—366; Fuchs. Die höheren Schulen, passim. — Школа эта помещалась в Магнаврском дворце, а потому в литературе нередко называется *Магнаврской школой, Магнаврским университетом, императорским университетом.* Существовала также патриаршая высшая школа.

[12] R. Devreesse. Introduction à l'étude des manuscrits grecs. Paris, 1954, pp. 218—248

[13] Fuchs. Die höheren Schulen, SS. 45—56.

[14] Голубинский. Вопрос о заимствовании, стр. 3.